

Л.И. Василенко

Христианство, друзья мои, только началось

Христианство, друзья мои, только началось, оно - вселенская религия, для него тысяча лет, как один день. Это только начало, только первые шаги". Так говорил о. Александр Мень, неутомимый служитель Слова Божия, незадолго до своей гибели. Лучшее время православия, как и лучшее время вселенского христианства, считал он, - впереди, а не позади. И когда его спрашивали, чем же отличается современное понимание христианства от понимания первых веков, он отвечал: "Думаю, что особенно ничем: это вечно, это всегда. Если апостол Павел в I веке переживал близость с Ним, как будто он с Ним вместе погиб, умер и вместе с Ним воскрес, это доступно и современному человеку" (О. Александр Мень отвечает на вопросы. М., 1999).

Стоит сравнить эти светлые слова с тем, сколь невеселы бывают иногда речи очень уважаемых, серьёзных и глубоко верующих людей. Они говорят: всё, что следовало сказать, уже сказано, и ничего нового мы больше ни от кого не услышим; все действующие лица мировой истории уже определились, других не будет, сценарий предстоящих событий полностью готов, все роли расписаны, поэтому ясно, что будет происходить дальше... Но что это означает? А то, что христианство бессильно предложить миру что-то новое, что оно не в состоянии преобразить мир, потому что все устали, сердца духовно угасли и на благодать уже нет надежды...

Если бы юноша Варфоломей так же рассуждал в XIV веке, он никогда бы не стал преп. Сергием Радонежским - в его время было более чем достаточно поводов думать, что на Руси растоптано и загублено всё, что только можно было загубить. Не нужно совершать больших духовных прорывов, чтобы понять, что в духовном состоянии русских людей опереться уже не на что... Так заявил в XIX веке сумрачный, хотя по-своему искренний и преданный Церкви Константин Леонтьев. Но Сергей просто стал работать среди окружавшего безобразия и вопреки ему - он любил Россию и православие, во имя любви вступил в борьбу с унылым духом расслабленного благочестия и стал с полной самоотдачей служить Богу и ближнему. И его труд, молитва и подвиг принесли свои плоды. Вот какому примеру христианского отношения к жизни последовал о. Александр. Вера, не раз говорил он, дана нам как сила жизни, сила борьбы и сила упования. Своей работой он свидетельствовал, что путь к духовному преображению христианства не закрыт, как бы ни были плохи дела в стране, в Церквях и во всём мире.

Близким единомышленником о. Александра в этих вопросах стал во Франции о. Жак Лёв (о нём см. "ИиЖ", № 6, 1999), который за несколько лет до смерти (1999) сказал в одном интервью: "Мы живём на заре цивилизации, на заре христианской жизни, в первые её секунды. Нет никакого смысла в том, чтобы мир перестал существовать... И совершенно не обязательно, чтобы через миллион лет кардиналы оставались такими же, какие они сейчас, чтобы епархии были разделены, как сегодня. Не будем цепляться за те "великие" реалии, которые конечны... Через миллион лет либо христианство исчезнет с лица земли, либо мы будем повторять всё тот же Символ веры II века: "Верую в Бога Отца всемогущего и в Сына Его Единородного, Господа нашего! Верую в Духа Святого, святую вселенскую Церковь, в воскресение плоти. Аминь!" Этот Символ веры не говорит: "в апостольскую и римскую". Я верую в Церковь, которая сможет изменять свои человеческие формы, и надеюсь, что она их изменит".

Верую - значит каждый день своей жизни осуществляю на деле то, во что верую, оставаясь в Церкви Христовой. Этот Символ веры сохранился у коптов в песках Египта. Оба священника - и о. Александр Мень, и о. Жак Лёв - очень живо чувствовали глубокую духовную преемственность христианства XX века с первыми поколениями христиан.

Эта преемственность выражается в обострённом чувстве того, что Церковь - прежде всего народ Божий, особая община Христова, место, где Христос не только продолжает Своё присутствие на земле, но и активно действует среди тех, кто решил жить по Евангелию. Это особый народ, который принципиально отличается от древнего богоизбранного народа - народа обетования, Завета и Закона Моисеева. Второй Ватиканский Собор в своих документах возродил эту формулу (Церковь - народ Божий) и хорошо выразил её суть ("Свет народам", гл. II): вся Церковь - это община верующих, возглавляемая Христом, это народ Божий, питаемый от Чаши и возрастающий во Христе, пока в высшей радости не достигнет в Небесном Иерусалиме всей полноты вечной славы.

О. Мень отдавал должное тому, что этот Собор ориентирован на возрождение в католичестве духа церковности, духа братской общинности и на Евхаристию как источник духа подлинного братолюбия. Соборные формулировки были близки и дороги о. Менью: церковная община - это "народ святой, т. е. посвящённый Ему на служение", это особый организм, созданный из тех, кого искупил Христос, - Его тело, в котором Христос воплощается и действует. Здесь тайна нашего освобождения, "тайна присоединения к уделу Божию, где Бог действует", и "тайна несения на себе бремени" (Мень А. Домашние беседы о Христе и Церкви).

Замечательно свидетельствовал о народе Божиим и о. Жак, когда проводил встречи Школы веры в Москве в 1980-1982 гг.: нет воли Божией, говорил он, на то, чтобы христианство было не церковной общиной, а чем-то другим. Но есть Слово Божие: "Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего" (Ин 15. 5). Апостол Павел тоже писал: "Если корень свят, то и ветви" (Рим 11. 16). Это означает, что каждый из нас - листок на апостольских ветвях древа Церкви. Каждый из нас живёт полнокровной духовной жизнью, когда не отрывается от древа, питается его соками и получает свет от солнца - Слова Божия. Но есть немалое искушение заявить: "Хочу сам наполняться светом от солнца, а другие листья и ветви, да и всё это корявое дерево меня не интересуют". Такой листок отвалится от дерева, засохнет и погибнет. "То же самое случится и с нами, - говорил о. Жак, - если мы оторвёмся от Церкви, от нашей общины или группы".

О. Александр Мень благословлял своих прихожан участвовать во встречах с о. Жаком. Редко кто умел так убедительно, как о. Жак, свидетельствовать, что жизнь христианина - это трудный баланс личностного духовного возрастания и глубокой вовлечённости в жизнь церковной общины. Его личное кредо - "В Иисусе Христе Бог возлюбил всех людей - и каждого человека - любовью личной и единственной". Христианское личностное развитие происходит не иначе, как на доброй почве правильно поставленной церковно-общинной жизни, где люди, чьи сердца захвачены и возвращены Словом Божиим, приносят хорошие духовные плоды. Такие люди, встретив Христа и научившись служить Ему в общинах, способны сами становиться бессмертными семенами Слова. В их сердцах горит огонь Святого Духа. И если, к примеру, трое-четверо христиан достигли зрелости веры и жизни в своих общинах, они могут стать ядром новой общины в другом месте, передавать огонь Духа дальше. Именно общины, а не уединившиеся верующие, общины, где есть силы Слова и Духа, способны являть миру живое присутствие и действие Божие. А оно сможет реально помочь нашей больной стране и нашему больному миру.

Для России это особенно важно. Многие у нас склонны думать, что Бог открывает Свою волю только отдельным подвижникам и прозорливцам, ставшим на путь правды, - тем духоносным старцам, которые прошли суровый подвиг монашеского послушания и труда и смогли настолько смириться перед Богом, настолько умалить своё "я", что их душа стала прозрачной для передачи божественных велений духовно чутким сердцам. Очень важно, когда такие люди есть в Церкви, чтобы ищущая душа могла обратиться к ним в любой трудный момент жизни. К ним нужно относиться с искренней любовью, благоговением и доверием, они - действительно "соль земли", "люди Божии". И нет сомнений, что их полная самоотдача Богу приносит те самые прекрасные плоды, за

которые их почитают православные христиане. В XX веке такими подвижниками были о. Таврион (Батозский), о. Серафим Вырицкий, о. Серафим (Тяпочкин), о. Алексей Мечёв и многие другие, чья официальная канонизация - вопрос уже недалёкого времени.

О. Александр воздал должное таким людям в своих многочисленных проповедях и духовных беседах, а некоторым прихожанам рекомендовал бывать у о. Тавриона и у о. Иоанна (Крестьянкина). Но всё же он настойчиво говорил и о другом идеале - о полнокровно живущей христианской общине, в которой воля, правда и любовь Божии открываются и осуществляются не менее убедительно, чем в жизни и в слове отдельных великих подвижников земли русской. Так было в древней Церкви, и это должно восстановиться в Церкви будущей. Ни Соловьёв, ни Бердяев, которых любил о. Александр, не говорили о полнокровно живущей христианской общине, когда возвещали о грядущей Вселенской Церкви Христовой, Церкви Св. Духа. Соловьёв создал образ старца Иоанна - мужественного свидетеля истины православия перед лицом антихриста, а Бердяев уважал святость Франциска Ассизского, отдавал должное о. Алексею Мечёву и называл преп. Серафима Саровского "великим творением Божиим".

Произошло это, вероятно, потому, что оба философа связывали преемственность Церквей XIX-XX вв. больше со Средними веками, чем с древней Церковью. Обмирщение приходской жизни в позднеантичную эпоху и в Средние века вынуждало тех, кто жаждал выйти на путь духовного возрастания, искать духовного руководства среди монахов, удалившихся от сложившихся поместных общин. И католичество нашло простое и ясное решение: пусть в большой Церкви появляются и действуют монашеские ордена как особые церковные объединения, имеющие целью жить по Евангелию. Это как бы "церкви в Церкви", говорил о. Мень, особые духовно обновлённые общины внутри огромного церковного организма, составленного из множества обычных приходов и епархий. В такие общины и вовлекались те, кто настойчиво искали путь Христов. Подобное решение не потеряло своего значения и в XX веке.

Но не только "церкви в Церкви", а вся Церковь должна, как это и было возвещено в древнехристианские времена, стать свидетельством Божьего присутствия и Его действия в мире. Апостол Пётр писал: "Вы - род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий" (1 Петр 2. 9-10). В комментариях на Послание к Ефессянам, пока не опубликованных, о. Александр писал: "Церковь - это новый народ Божий, в нём исчезают все племенные различия; она есть также Тело Христово, в котором воплощается Сам Господь. Христос пришёл возродить и обновить творение, и это Его дело совершается в Церкви. Она есть не нечто неподвижное, но живой растущий организм. Сознание причастности к Церкви, пребывания в ней должно проявляться во всей жизни христианина, в его семейных и общественных отношениях. В Церкви каждый несёт свою долю ответственности за дело Божие, подобно воину, сражающемуся в рядах войска".

Древние христиане предпочитали называть себя учениками Христовыми - теми, кто пошёл вслед за Учителем по Его пути. Они не просто присоединялись к Церкви, чтобы числиться среди христиан, а брали на себя самые серьёзные обязательства под знаком вечности. К этому и призывает Слово Божие: "Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною" (Мк 8. 34). И мы тоже, решительно настаивал о. Александр, должны становиться учениками Христовыми, чтобы наше единство превратилось в народ Божий. Не просто делаться верующими, не просто участвовать в таинствах, соблюдать церковную дисциплину и быть послушными духовным наставникам, но быть верными в глубинах своих сердец. Ученики Христовы - те, кто полностью примирился с Богом и запечатлён Духом Святым, те, кто вместе идут Его путём и чьи взаимоотношения основаны на вечной и незыблемой духовной связи - Самом Христе. Как и сказано: "Кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего" (Ин 15. 5). Община верных - не просто братство

единомышленников, подобное многим другим чисто человеческим союзам, а "Тело Христово". Его ученики, когда они едины, обретают то духовное горение, которое оказывает серьёзное воздействие на многих. Они все вместе убедительно являют внешним живое присутствие Бога в Церкви.

"В сущности говоря, народ Божий может быть даже тогда, когда он насчитывает единицы; когда существует один приход, он уже есть Церковь, в нём есть всё: в нём есть Христос, Св. Писание и Таинства, которые и есть присутствие Христа. Если рассматривать не административно, не регионально, не организационно, не инстанционно, а реально. И так говорили и Отцы Церкви: каждая поместная церковь, т. е. каждое место, где совершается Литургия, - уже есть Церковь во всей полноте, такая, как она есть" (Мень А. Домашние беседы...). Здесь происходит общение учеников Христовых в вере, таинствах, молитве и взаимопомощи. И ныне мы должны вспомнить, а значит, восстановить, вернуть к жизни то, что изначально уже осуществилось в первохристианской общине: "Были и общие молитвы, и беседы, и чтение Слова Божия, и проповеди, и взаимопомощь, и совместный труд, но в центре всего стояла Трапеза Нового Завета... Они жили Им и в Нём. Не "память о великом Человеке", Которого больше нет, соединяла их, а Его реальное, таинственное присутствие. Обетование "Я с вами" не обмануло. Он воскрес, чтобы остаться с ними. На этой встрече с живым Сыном Человеческим, Который грядёт, но и Который уже здесь, среди людей, стояла отныне и будет всегда стоять Его Церковь, Церковь Нового Завета" (Мень А. Апостолы).

Любовь, деятельное добро, служение ближним - вот признаки подлинности веры учеников Христовых. Их братская любовь превосходит все остальные харизмы, она бессмертна. Они прекрасно понимают при этом, что основа церковного строя - это послушание в любви, строгость образа жизни, самая серьёзная ответственность каждого за всех других и за общину в целом. Вся жизнь верных принадлежит Богу, посвящается Ему как жертва.

Во времена апостола Павла примером подлинно христианской общины стала маленькая Филиппийская церковь. Она отличалась крепкой верой, была беззаветно предана апостолу и служила ему опорой и утешением. Здесь его всегда понимали и любили. Видя эту общину своих "соучастников в благодати", Павел чувствовал, что его служение не напрасно, сколь бы ни огорчали его коринфяне, галаты или колоссяне своими смутами, конфликтами, изменами Евангелию и кое-кто - сомнительной моралью. Подводя в тюрьме итог своей жизни, Павел писал с радостью и любовью: "Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже донныне, будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня

Иисуса Христа..." (Флп 1. 3-7). Филиппийскую церковь апостол считал своим даром Христу, а своё предстоящее страдание и мученическую смерть за веру - "как бы жертвенным возлиянием, добавленным к этому дару". Но это вовсе не означало того, что Павел успокаивался, - нет, отмечал о. Мень, Павел "считает себя и своих пасомых не достигшими совершенства, а лишь стремящимися к нему, пребывающими в пути" (из неопубликованных комментариев на Послание к Филиппийцам).

Ну, а в наше время - разве сегодняшнему русскому православию чужда общинность? Неизменная любовь православных к соборности побуждает думать, что "общинное" понимание соборности вполне допустимо. Об этом говорит свидетельство, связанное с пастырской деятельностью архимандрита Сергия (Савельева), который смог создать свою общину ещё до войны. Несмотря на гонения тех лет, община сохранилась, и в 40-е гг. о. Сергий, вернувшись в Москву после заключения и ссылки, обратился к Патриарху с просьбой официально признать общину. Его принимал протопресвитер Николай Колчицкий, управлявший делами Московской Патриархии. "Быль это или мистификация - вот вопрос, который стал перед ним" (Архим. Сергий (Савельев). Далёкий путь. М., 1998). О. Николай вовсе не отмахнулся, не откладывая поехал - причём не на служебной

машине, а на пригородном поезде - в Фирсановку под Москвой, где располагалась община, и лично убедился: это правда. Конечно, в сталинские времена самое большое, что можно было предложить о. Сергию, - это служить в одном из недавно открывшихся храмов. В знак особого уважения и признания ему было предложено служить в Елоховском соборе.

Эта община, впрочем, не была миссионерской. О. Александр Мень был миссионером по духу, и для него ученичество Христово в общинах - это не только свидетельство веры и жизни по Евангелию, но и миссионерское служение. Когда он ставил вопрос, чего ожидает от нас Господь в предстоящее время, он говорил о вещах, близких по духу сказанному в декрете Второго Ватиканского Собора "Об апостольстве мирян". В этом декрете активные миряне, ученики и свидетели Христовы, были названы опорой священников и епископов, соучастниками их миссионерского труда, теми, кто призван повсюду участвовать в создании церковных общин и заботиться о нуждах народа Божия, рассеянного по всей земле. Но вот что характерно для о. Менья: согласно его пониманию, малые христианские общины миссионерствуют не как учителя, а как ученики Христовы. Они проповедуют, но не пропагандируют, они свидетельствуют, но не требуют признания своего авторитета над "совками", не превозносят себя как "глубоко верующих", они не предлагают новую христианскую идеологию, а являют живое присутствие Христово:

"Проповедь. Это значит, что мы должны найти общий язык с людьми нашего времени, не отождествляясь с ними полностью и не отгораживаясь от них стеной архаики. Это значит, что мы должны поставить - заново, свежо, как бы открывая впервые - все те вопросы, которые ставит перед нами Евангелие.

Свидетельство. Это значит, что мы должны решить - мы ещё не решили - жизненную задачу: найти свою позицию в жизни, своё место не в обычном смысле слова, а своё отношение ко всем жизненным проблемам.

И, наконец, Присутствие. Чтобы мы всё время учились молитве и чтобы углубляли в себе опыт таинств, чтобы наше свидетельство было не свидетельством об идеологии, а свидетельством о живом присутствии Бога в нас" (Мень А. Домашние беседы...).